

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

На краю Самхейна

Мария Фомальгаут
На краю Самхейна

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

На краю Самхейна / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855736-1

Тетушка Луна считала наш дом самым плохим в округе — и считала весьма справедливо. Правда, если быть честными до конца, плохим был не дом, а место его расположения. Когда владельцы богатых домов начинали жаловаться, что живут за краем Лугнасада, а то и вовсе поближе к Мабону, а если аренду поднимут, то придется переехать за пятнадцатое сентября, совсем-совсем в осень — тут же кто-нибудь говорил, что им грех жаловаться, есть дома и похуже.

ISBN 978-5-44-855736-1

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

История про истории	6
История про истории	6
История про замок	7
Следующая история	8
История про людей	9
Очередная история	10
История про новую науку	11
История про ученых	12
История про вас	13
История про героя	14
История про должника	15
Кабина черного солнца	16
Две завитушки и крест	22
На краю Самхейна	26
Потерянные недели	31
Бескрылый офис	36
Большой разрыв	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

На краю Самхейна

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2017

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5736-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История про истории

История про истории

Здесь будет история про мир идей, в который погружаются люди за новыми задумками для рассказов и романов, для фильмов и пьес. В поисках свежих идей люди всё дальше заходят в дебри мира идей, где отважных путников ждут невероятные приключения. Две конкурирующие фирмы отправят две экспедиции в самые далекие дали мира идей... а может, это будут две ведущие мировые державы. Каждая экспедиция будет стараться обойти своего конкурента, первой добраться до первоосновы, прародительницы идей. Путь очень опасен, и две враждующие стороны начнут действовать сообща. Но знают ли они, сколько потерь несет опасный путь? И знают ли они, что в конце дороги их ждет совсем не то, чего они ожидали?

История про замок

Вернее, про замки. Да, здесь будет история, в которой найдется место для многих и многих замков. Замки будут живыми, они будут думать и говорить, строить козни и спасать друг друга, любить и ненавидеть. У каждого замка своя судьба – один достоял до наших времен, другой разрушен, третий на грани гибели. Куда уходят замки после смерти? Мы не знаем, а вот история знает. И ещё она знает, как умерший замок вернется в мир живых, когда его отстроят заново. Но будет ли это тот же самый замок? И что он захочет – остаться в подлунном мире или уйти в мир горний, забрав с собой свою возлюбленную, Совиную Башню?

Следующая история

А здесь должна быть история, но её не будет. Она не захотела, чтобы её написали.

История про людей

Следующая история будет про людей. Их окажется трое. Один из них пойдет по улице, и его чуть не убьют. Второй тоже пойдет по улице, и его тоже чуть не убьют. Третий тоже пойдет по улице...

...пуля пролетела в сантиметре от моего виска...

Итак.

Про людей.

Каждый из них напишет книгу, которая в будущем превратится в мощную идеологию. Величайшие движения разделят мир на три империи, а каждая из них будет стремиться покорить мир целиком. Чтобы избавиться от двух конкурентов, каждая из империй пошлет в прошлое наемного убийцу, уничтожить неудобных идеологов. Они и не подозревают, что три наемника на самом деле – один и тот же человек, который ведет тройную игру.

Но так ли просто убить трех авторов?

И есть ли они вообще – эти три автора?

А может, все трое – один человек?

А может, это и есть сам убийца?

Мы не знаем.

А история знает.

И расскажет нам, когда появится.

Очередная история

Здесь тоже должна быть история, но её тоже не будет. Она не захотела, чтобы её придумали.

История про новую науку

Эта история расскажет про научные дисциплины, как они появлялись одна из другой. Из физики химия, из химии биология, из биологии социология... И вот появляется новая наука. Вернее, она еще не появилась, но некий ученый предвидит её появление, и...

...или нет, постойте, это история про книгу. Другие книги её бьют, потому что она написана не как все, у неё нет знаков препинания кроме точек. А потом книга найдет таких же, как она. Они станут думать, кто их напечатал такими, и узнают, что на земле уже давно наравне с людьми живут роботы, которые не различают знаки...

...или нет, это история про науки.

Или нет, про книги.

Или нет, про науки.

Или про книги.

Короче, эта история еще не решила, про что она будет.

История про ученых

А сюда придет история про учителей. Это будут последние учителя в мире, где за людей все делают машины, а люди не могут сложить два и два. Чтобы было интереснее, у каждого учителя будет какая-нибудь сверхспособность. Математик сможет умножать врагов на нуль, удваивать вещи. Историк сможет нырять в старые газеты и погружаться в прошлое. Учитель русского языка сможет оживлять слова.

А что они все вместе будут делать, история еще не знает.

История про вас

А здесь, уважаемый читатель, будет история вашей жизни.

История про героя

А здесь будет история про супергероя. Знаете, бывают супергерои, ну там Человек-Паук, Человек-Муравей... А у нас будет Человек-Человек. И будет он подвиги делать... какие-нибудь простые, человеческие. Ну там мусор убирать, или там бедным помогать, или горку ледяную для ребятшек во дворе сделает, или еще что-нибудь такое... хорошее.

История про должника

А эта история произойдет в далеком будущем. Когда люди будут переносить свое сознание на компьютеры. Один человек задолжал за электричество, и его отключили. На много лет. Он стоял, пылился в заброшенном доме, его даже нашли грабители и хотели сдать на запчасти. Но тут появился полицейский и его спас. А полицейский появился потому, что умер один родственник героя и оставил ему наследство. Или нет, в будущем не умирают. Ну, значит, герой вложил в какие-нибудь акции, а они взлетели в цене. Или еще что-нибудь такое случилось. В общем, разбогател. И его снова подключили, и полицейский торжественно зачитал ему завещание.

Герой начинает жить припеваючи... Стоп-стоп, не начинает он жить припеваючи, ведь с того дня, как его отключили, прошло три тысячи лет. И ему нужно учиться жить в новом, незнакомом мире...

Кабина черного солнца

– Дайте мне пять минут.

Здесь хочется спросить – как вы нас нашли.

И еще хочется спросить – где вы взяли валюту.

И еще много-много чего хочется спросить.

Не спрашиваю. Мне не положено спрашивать.

Вежливо склоняюсь к покупателю, вежливо говорю:

– Как я понимаю, вам не всё равно, какие пять минут?

– Нет-нет, что вы, – вздрагивает, будто ему невесть что предложили.

Покупатель. Каких множество. Бескровное лицо. Волосы острижены коротко, даже слишком коротко. Губы обкусаны. Военная форма неведомо какой страны неведомо какой эпохи. Мне всё равно, какой – когда-то пробовал считать войны, сбился на какой-то там.

– Так вам какие пять минут?

Он называет дату и время.

Не удерживаюсь, заглядываю в поисковик. Присвистываю, проклиная себя, на кой черт я это сделал, лучше бы не видел этого никогда...

...пепел пожаров, руины оскалились в небо, пустые глазницы окон. Дым. Кто-то кого-то отчаянно зовет, отсюда и вижу, кто и кого, кто-то плачет, тоже черт пойми, кто и где.

Их двое. Сразу даже не могу понять, кого – двое. А нет, вижу, женщины, закутанные в домотканые дерюги, почему-то прикрывают лица, странно, вроде нет у них в стране такого обычая, женщинам лица прикрывать.

Одна из них в изнеможении опускается на обломок ограды, всхлипывает.

– Не могу больше, не могу, не могу...

По-детски обиженно.

Навзрыд.

– Пойдем. Скорей, – вторая хватает её за руку, тащит в проулки, почему-то боится выйти на проспект. На проспекте нехорошее что-то – отсюда не вижу, что.

Отсюда не вижу, кто, мать и дочь, или сестры, или вообще никто, случайно встретились в мертвом городе.

А там шоколад.

Там, в разбитой витрине.

Ну, не шоколад, ну что-то такое трюфельно-шоколадно-ванильное, какое-то там еще, читаю сбивчивые мысли женщины, не могу разобрать, было такое когда-то в детстве у кого-то в гостях, а третий кусок можно, да как ты себя ведешь, да что за манеры, да что за ребенок, да говорила тебе ничего не просить...

Про себя еще думаю, откуда здесь шоколад, в мертвом городе, давно поели все, крыс поели, хотя про крыс, это я преувеличиваю...

Женщина шагает к витрине, вторая одергивает спутницу:

– Жить надоело?

– Да нет там никого... я быстро...

– Вон Аглая тоже по-быстрому, и...

– С голоду помирать прикажешь?

Женщина хмурится, раздумывает, кивает:

– Давай. Живо.

Шаг. Шаг. Осторожно, крадучись. Бледные руки шарят в темноте витрины.

Свист.

Там, на проспекте. Еле различимый, так пуля свистит, так змея свистит, так бойцовская собака свистит, прежде чем наброситься, так...

Черное солнце в небе. То есть, это мне так кажется – солнце, женщины знают, что никакое это не солнце, это... дальше мысли не дослушиваю, мысли путаются, бежать-бежать-бежать, черное солнце парит в небе, ищет жертву, бежать-бежать-бежать, бескровные пальцы вытаскивают коробку, пустую, черт, нету там ничего, шоколада нету, ванили нету, пустая коробка украшает витрину, бежать, бежать, бежать, белый луч, две фигурки в дерюгах падают на мостовую...

Отскакиваю от чужой памяти, ненавижу умирать вместе с чужой памятью.

Жду.

Мертвый город.

Ветер гонит пепел.

Жду – сам не знаю, чего, чувствую, что это еще не конец истории.

Пять минут.

Они выходят на улицу со стороны фонтана, отсюда не вижу, сколько их, четыре, пять... нет, шестеро, военные формы какой-то эпохи какой-то страны. Не сразу вижу своего посетителя, а вот он, третий слева, оглядывает улицу, коротко вскрикивает, бежит к упавшим телам. Кто-то окликает солдата, стой, куд-да понесло, а если заминировано... (нет, не заминировано, что-то другое говорит, я в оружии современном не разбираюсь) – солдат поворачивает головы убитых... Узнаёт...

(еще одно воспоминание. Случайное. Оброненное. Росистое утро. Ласточки. Два человека. И большое-большое лето впереди...)

Снова отскакиваю от чужой памяти, вот этого я тоже не люблю, когда – боль, боль, боль...

Колокольчик над дверью. Специально для людей повесили – как будто часто бывают здесь люди, раза два были, много чести им, колокольчик вешать, а вот повесили. Ну и сама дверь тоже для людей, другие-то в дверь не ходят.

Покупатель. Бескровное лицо. Волосы острижены коротко, даже слишком коротко. Губы обкусаны. Военная форма неведомо какой страны неведомо какой эпохи.

Что он... ах да.

– Дайте мне пять минут.

Смотрю на валюту. Хочу сказать – не хватает. Не говорю.

Открываю сейф. Почему-то хочется сказать покупателю, чтобы отвернулся – сам не знаю, почему, как будто он сможет тайком открыть этот сейф, как будто он вообще что-то может...

Достаю минуты.

Достаю ми...

Достаю...

Ошибка.

Нет.

Никакой ошибки быть не может.

Откашливаюсь:

– Вы у нас... уже брали.

– Что?

– Брали. Минуты.

– К-когда?

Смотрю по записям, проверяю, вздрагиваю.

– Тысячу раз.

– Ч-что?

– Тысячу раз вы к нам приходили.

– 3-зачем?

Бледнеет, на бескровном лице проступают красные пятна.

Осторожно говорю:

– Вы брали пять минут.

– Но...

– Вы. Брали. Пять. Минут.

– Не... не помню.

– Не помните?

Начинаю понимать.

Хочу сказать – ваш лимит исчерпан. Не говорю.

Хочу сказать – вы не можете брать минуты.

Не говорю.

Отсчитываю минуты. Посекундно. Как учили.

Колокольчик над дверью.

Для людей.

Дверь.

Тоже для людей.

Дайте мне пять минут.

Вот так всегда – человек уйдет, а слова его мечутся по пустоте, ищут выход...

– Понимаете... он каждый раз просит пять минут... Живет человек, умирает, его земля сгорает, поглощенная солнцем, вселенная сжимается в точку, снова разлетаются звезды, снова жизнь выходит на сушу, снова рождается человек, и снова опаздывает на пять минут, и приходит, и просит – дайте мне пять минут. Берет время и все равно не успевает, потому что время не обманешь...

Мой хозяин молчит. Имя у него синее, как третья луна в свой последний день жизни и яркое, как мысль, оброненная в пучины космоса – вот так его зовут.

– Бред, – говорит хозяин.

– Отчего же бред?

– Он тебя обманул. Ты поверил.

– К-как обманул?

– А ты сам посмотри. Было такое, чтобы кто-то взял время, а оно не подействовало?

– У людей, может, и бывает.

Хозяин смеется. Молчит. Имя у него синее, как третья луна в свой последний день жизни и яркое, как мысль, оброненная в пучины космоса – вот так его зовут.

– Вы украли время.

Это я человеку говорю.

Колокольчик над дверью. Другой колокольчик. Над другой дверью.

Какое-то заведение в какой-то стране в каком-то мире. Я миры не различаю, начал считать, сбился на миллион каком-то там.

– Вы украли время.

Человек кивает. Молчит. Бескровное лицо. Волосы острижены коротко, даже слишком коротко. Губы обкусаны. Военная форма неведомо какой страны неведомо какой эпохи. Кажется, уже пьян. Может, только кажется. Не знаю.

– Зачем?

Это снова я.

Он молчит. Смотрит на меня, будто спрашивает – может, сам догадаешься...

Осторожно просачиваюсь в его подсознание.

– Так сколько вам нужно было времени?

Он сглатывает.

– Трое суток. И еще несколько часов.

– И вы покупали по пять минут...

Он пожимает плечами. Ну да, покупал. Вспоминаю, сколько за свою жизнь человек может купить хотя бы те же самые пять минут. Кажется, один раз. Нет, если по-хорошему, то вообще ни разу, тут сразу надо спрашивать, как вы сюда попали, как вы нас нашли, кто вас сюда пустил, откуда у вас валюта, и вообще. Но я не спрашиваю.

Ладно.

Один раз.

В жизни.

А потом ждать следующей жизни.

И следующей.

И...

Он говорит:

– Мне не хватило полминуты.

Понимаю. Хочу посочувствовать, ищу какие-то слова, слова не находятся, ляпаю не ко времени и не к месту:

– Это только в следующей вселенной купить можно будет.

Он кивает.

Знаю. Подожду.

Хочу спросить, сколько реинкарнаций он прожил от появления первобытных костров до конца цивилизации, умирал в саванне, шел на север за мамонтом, падал в сражениях с простреленным горлом, на узких улочках древних городов бежал смотреть на казни, освобождал города от врагов, опаздывал на сколько-то там, покупал время, бережно хранил его, знал, что не хватит его, этого времени... Умирал в глубокой старости, рождается в каких-то новых эпохах, листал архивы, перечитывал одно и то же —

...в городе не выжил никто, освободители опоздали на считанные минуты...

... снова умирал, снова приходил в этот мир, тускнеющим взором смотрел на гаснущее солнце... хотя нет, солнце вроде не так гибнет...

Хочу спросить.

Не спрашиваю.

Бормочу какие-то вежливости, что если был по программе скидок мог бы время предоставить, то я бы с удовольствием, но...

Он кивает.

Он всё понимает.

Кажется, он всё-таки пьян.

Даже не спрашиваю, что было там, в мертвом городе, где не хватило полминуты...

– Бред.

Это мой хозяин. Имя у него синее, как третья луна в свой последний день жизни и яркое, как мысль, оброненная в пучины космоса – вот так его зовут.

Вздрагиваю.

– Бред?

– Бред.

– А что не так?

Мне уже жалко, что я дал ему посмотреть воспоминание, как я сидел с человеком в какой-то стране в какую-то эпоху, и человек был пьян.

– А ты время посмотри. Да не своё... их время посмотри, – советует хозяин.

Смотрю. Руины, оскаленные в небо. Глазницы окон. На проспекте нехорошее что-то.
– Не могу больше, не могу, не могу.

Навзрыд.

Шоколад в витрине. Черное солнце. Бежать-бежать-бежать. Пустая коробка...

...силой вырываю свое сознание из чужой памяти – нет, не успел, прихватил-таки кусочек смерти. Это больно. Это очень больно...

– Дальше смотри.

Смотрю дальше. Даже отключаюсь, когда солдат поворачивает голову убитой.

– Ничего не заметил?

Не выдерживаю:

– Что я должен был заметить?

– Смотри.

Черное солнце. Два человека в кабине. Я не вижу их лиц, да тут и не в лицах дело... Терпеливо смотрю. Сознание как сознание. У одного склонность к безумию, но крохотная какая-то, склонностишка, одно название, не вижу ничего страшного.

– И?

Мой хозяин не отвечает.

– А нет, вижу. Понимаю, что видел это сознание только что, но не в кабине, а – третий слева, бросается к убитым, стой, а если ловушка, поворачивает голову убитой – боль, боль, боль...

– Он... но... зачем?

– Не догадываетесь?

– Не знаю.

Не знаю я людей, совсем не знаю, откуда мне понять, зачем сидеть в черном солнуе, и тут же бросаться к убитым, и – боль...

– Сколько времени он купил?

Считаю.

– Трое суток... с небольшим.

...операция «Таймер» прошла успешно, в результате многоуровневых действий получено около трех с половиной суток чистого времени...

...довожу до Вашего сведения, что для удачного завершения военных действий данного времени недостаточно, требуется получить еще.

– Разберитесь.

Это хозяин. Имя у него синее, как третья луна в свой последний день жизни и яркое, как мысль, оброненная в пучины космоса – вот так его зовут.

– Именем закона...

Нет, не так.

– Верните время.

Тоже не так.

– Вы не имеете права.

Опять не то.

А надо будет что-то говорить.

Мир приближается. Или это я к нему приближаюсь. Не знаю.

И надо будет что-то говорить.

Смотрю на воспоминание. Случайное. Оброненное. Росистое утро. Ласточки. Два человека. И большое-большое лето впереди...

Сжимаю воспоминание, роняю.

Если разобьется – то фальшивое.

Если же нет...

Летит чья-то память...

Две завитушки и крест

– А что это за знак?

Люди проходят мимо, торопятся каждый по своим делам, им нет дела до меня, и тем более, до какого-то знака, не слышат, не замечают...

Повторяю громче:

– А что это за знак?

Кто-то (даже не запоминаю лица) замирает на миг, смотрит на меня, тут же отворачивается, идет дальше.

Хочется заорать во всю глотку:

– А что это за знак?

Не ору.

Знаю.

Не ответят.

Две завитушки и крест.

Какие две завитушки... обыкновенные. И крест тоже обыкновенный самый.

И хочется орать во всю глотку:

– Что это за знак?

...выбираюсь из дома, уже не охваченного пламенем, прикрываю обожжённое лицо, волоку в руках что-то орущее, мохнатое, мягкое, – девочка с розовыми бантами бросается ко мне, выхватывает пушистый комок, Китти, Китти...

Люди шарахаются от меня в стороны.

Слышатся жиденькие аплодисменты.

Вот это мне всегда нравится, когда я выбираюсь из пожара, кожа отваливается клочьями – и хоть бы кто кинулся на помощь, хоть бы аптекарь какой мазь предложил...

А нет, пробирается через толпу сухонький человечек, растерянно бормочет, давайте я вам лицо обработаю, сует чашу с дурно пахнущим месивом...

Качаю головой:

– Благодарю вас, не стоит.

Кожа затягивается. Медленно, верно – но затягивается. Где-то на окне еще вспыхивает пламя, я тут же усмиряю его щелчком пальца.

Огонь меня слушается.

Поправляю на доме потемневший от времени знак – страховку от...

– Вопросы... уважаемые гости?

Оглядываю толпу туристов, вроде всем все понятно, вернее, никому ничего непонятно, да и не слушает никто, вон те двое пошли с уличной кошкой фоткаться, вот эта к сувенирной лавке пошла, этот вообще лыка не вяжет, сейчас в фонтан свалится, эта по телефону трещит, не-е-е, здесь шоппинг ни о чем вообще...

– У меня вопрос.

Все сжимается внутри, та-ак, началось... в деревне утро. Вот попадаются в группах вот такие, всё-то им интересно, всё-то им знать надо, а в каком году это построено, а какая в детстве кличка была у второго министра первого короля, а...

Мысленно сжимаю кулаки.

Киваю.

– Да, пожалуйста.

– А что это за знак на доме?

Меня снова передергивает. Тебе-то какая разница, нет, правда, тебе какая разница, ты отсюда уедешь и забудешь этот город, и этот знак на доме, и все, все...

Нет же.

Спрашивает.

– А что это?

Спохватываюсь. Так-так, вот чем вы все гίδα слушали, уши компотом мыли, не иначе.

Так я же вам говорил, это знак, что дом застрахован от пожара и в случае пожара его будут спасать в первую очередь.

– Но... это другой знак.

Смотрю на дом, и правда, другой знак, странный какой-то, две завитушки и крест.

Спохватываюсь:

– А с чего вы решили, что это именно страховка от пожара? Может, какая-то эмблема, например... ну, вот, например, на доме трилистник, символ единения, равновесия...

– ...да нет же, что вы, это совсем другое...

– Что другое?

– Ну как же... это знак, что дом застрахован от ядерного взрыва.

Фыркаю:

– Хотите сказать, в те времена кто-то слышал про ядерные взрывы?

– Предсказатели слышали... еще как слышали.

Усмехаюсь, показываю на следующий знак на доме:

– Ну а это, например, что такое?

– Защита от химической угрозы.

Понимаю, что у него на всё готов ответ. Вот просто. На всё...

Две завитушки и крест...

Перелистываю старинные книги.

Ищу.

Уже понимаю – не найду.

Просто.

Не найду.

Вздрагиваю.

Померещилось.

Нет, не померещилось, так и есть.

Теперь на здании городской ратуши.

И на музее современной живописи.

И на музее несовременной живописи.

И на музее современной неживописи.

Знак.

Вот страховка от пожара.

Вот от химической угрозы.

Вот три хвоста, эт-то еще что... а-а-а, биологическая угроза, конечно.

А вот рядом...

Две завитушки и крест.

Две завитушки и крест.

Две зави...

БАМ!

Закрываю дома. Все, все разом, сколько их есть, ратушу, церковь, купеческие кварталы, бед... стоп, бедняцкие домики никто защищать не просил, на них и знака-то нет, да плевать я хотел, на ком знак, на ком не знак, закрываю город – весь, весь, весь, растягиваю крылья в тончайшее полотнище, только бы хватило моих крыльев, только бы...

Ударная волна.

Еще успеваю подумать – вот как это бывает, а потом – боль, боль, боль, боль, огонь, огонь, огонь, огонь, дым, дым, дым, дым. Люди спят в домах, люди не видят, что там, и хорошо, что не видят, может, никто и не узнает, что было здесь ночью...

– Вы... что вы делаете?

Это хозяин. Первый раз вижу своего хозяина, да есть ли у меня вообще этот хозяин, – а вот есть.

– Э-э-э... защищаю. Дома же застрахованы...

Уже готовлюсь отразить нагоняй, что защищал дома, на которых не было знака.

– От чего застрахованы? От чего?

– От... ядерного...

– Чего?

– От ядерного взрыва...

– Где вы тут ядерный взрыв видите, умник вы наш? Ничего, что химическая угроза?

Спыхватываюсь, укрываю город, чувствую, как химия разъедает мои крылья...

...просыпаюсь.

Смотрит с неба в просвет крыш Большая Медведица.

– ...трудно работать защитником города?

– Ну, знаете... когда как. Пожар там потушить или утечку газа убрать, это не сложно.

А вот что-то посерьезнее...

– ...Да, конечно же.

– Хорошо еще хоть наводнений у нас в городе не бывает...

– ...Приморье, говорят, затопило...

– Ну, в Приморье меня не нанимали!

...из интервью.

Которого не было.

И не будет.

Никогда.

...складываю крылья, врезаюсь в раскаленный летящий камень – камень разлетается на куски.

...удачно отражено падение метеорита...

Это в вечерних газетах.

Люди идут, читают, кто-то вслух восхищается мной – меня не замечают, меня будто бы и нет...

Две завитушки.

Крест.

– Что это за знак? – спрашиваю в пустоту.

Уже знаю: не ответят.

Никто не ответит.

Что-то происходит.

Бывает такое – еще ничего не произошло, а уже чувствую – что-то происходит, вроде бы все п-прежнему, тот же город, та же Большая Медведица между крыш, те же фонари покачиваются на улицах, те же огни домов, тот же ветер в верхушках деревьев – но уже чувствую, что-то случилось.

Что-то...

Что-то...

Расправляю крылья.

Взмываю в небо.

Оглядываюсь. Затравленно. Ничего не происходит, но уже чувствуется, – вот оно, здесь...

Дома, дома, дома – вереницы домов насколько хватает глаз – и черт побери, на каждом доме над входом – знак, знак, знак, две завитушки и крест...

Что-то происходит с моими крыльями – они становятся больше, нагреваются, вспыхивают голубоватым пламенем, которое подсвечивает город недобрым сиянием.

Ищу опасность.

Не нахожу.

Две завитушки и крест, две завитушки и крест, – отчаянно перебираю варианты, что это может быть – ничего не нахожу.

Распахиваю пасть, обдаю пустоту раскаленным пламенем – опаленная ночь извивается в судорогах.

Враг, враг – где он может быть, этот враг, а если он спрятался в самом городе, да что значит, если, так оно и есть, может, в этом доме, или вот здесь, в зарослях заброшенного городского парка, или в старой ратуше, где живут совы, или...

Мощным ударом хвоста разбиваю ратушу, – совы взмывают в небо с обиженным гуканьем. Новый удар – рушится стена старого купеческого дома, вспышка пламени – яркий костер взмывает в небо там, где был парк.

Враг, враг... будь я проклят, если не найду врага...

Пылает город.

Люди в панике бегут куда-то.

Уже не могу сдержать ярость, – сыплются удары хвоста, рассыпается город, трещит по швам. Враг, враг, где он, это враг, две завитушки и крест, две завитушки и крест, две зави...

Складываю крылья.

Камнем обрушиваюсь в бескрайнее море, увожу самого себя от города, который чуть не разрушил.

Вижу своё отражение в шумящих волнах, в свете луны.

Две завитушки...

...и крест...

...две завитушки...

...и крест.

На краю Самхейна

Тетушка Луна считала наш дом самым плохим в округе – и считала весьма справедливо. Правда, если быть честными до конца, плохим был не дом, а место его расположения. Когда владельцы богатых домов начинали жаловаться, что живут за краем Лугнасада, а то и вовсе поближе к Мабону, а если аренду поднимут, то придется переехать за пятнадцатое сентября, совсем-совсем в осень – тут же кто-нибудь говорил, что им грех жаловаться, есть дома и похуже.

Под домами похуже подразумевался наш особняк, названный Самхейном – потому что он стоял на самом краю тридцать первого октября.

Когда тетушка Луна зажигала огонь в камине и горестно вздыхала, что стоит-то наш дом на самом краю осени, дядюшка тут же говорил в утешение, что платить-то за него надо всего-ничего – три мечты в месяц, да горсточку снов – но это, это было слабое утешение.

Впрочем, мы не ударили лицом в грязь – украсили свой дом на славу, не дом, а настоящий замок, развесили резные тыквы, вырезали из картона летучих мышей, зажигали по вечерам фонари, отчего холмы, где стоял дом, выглядели не такими уж мрачными.

Чтобы подбодрить тетушку Луну, дядюшка упоминал деревушку на краю Имболка, где всегда лежит снег – но тут же и сам понимал, что наш мрачный Самхейн никак не может сравниться с веселым Имболком.

Когда меня спрашивали, где я живу, я всегда с гордостью отвечал – в Самхейн-холле, да еще и пожимал плечами, дескать, а что такого. Да, я гордился, что живу на краю тьмы, и мне нравилось, когда другие мальчишки изумленно ахали, узнав, где я живу. Пару раз, правда, приходилось драться с забияками – кое-где в Белтейне жило поверье, что люди, живущие на краю тьмы, сами порождение мрака, что было, разумеется, неправдой.

Но больше всего я мечтал переехать – хотя бы в черничный Лугнасад или в благодатные земли между Литой и Лугнасадом. Раза два я пытался устроиться пахарем, но вспоминал про тетушку Луну и дядюшку – и понимал, что не могу их бросить. Вряд ли простой пахарь смог бы разбогатеть настолько, чтобы построить дом и перевезти туда своих родных.

Окна тетушкиной и дядюшкиной комнат выходили на лето, и если утром отдернуть шторы, можно было увидеть багрянец рябин Мабона и залитые солнцем луга Лугнасада вдалеке. Окна же большого зала на первом этаже и моей комнаты выходили на зиму, и вечером я пораньше задергивал шторы, чтобы не видеть темных равнин, подернутых густым туманом и первым снегом. Иногда в тумане виднелись огни, мелькали силуэты, настолько расплывчатые, что я даже не понимал, были они или нет. Очень-очень редко – по пальцам можно перечесть такие вечера – за пеленой тумана в темноте виднелся огонек, и я верил, что это огни Йоля, где ветви омелы, и яркие свечи, и праздничное дерево.

Когда меня посылали за хворостом для очага, я нарочно шел в сторону осени, хоть в этом не было никакой необходимости – мне нравилось чувствовать себя храбрым, ужасно храбрым, балансировать на грани жизни и смерти, на грани тьмы и света, на грани зимы и осени. Я подбирал высохшие ветви, смотрел на черные голые деревья, и мне казалось, что за мной неустанно следят чьи-то злоеющие глаза. Но я никогда не переходил на ту сторону маленького ручья по полуразрушенному мосту – что-то подсказывало мне, что там начинается нечто настолько злоеющее, что человеку там делать нечего.

История, о которой я готовлюсь поведать, случилась в праздник Настоящего. Ни один день в году я не ждал с таким же нетерпением, как празднество, когда огромное Настоящее прокатится мимо нашего дома. Еще за две недели до праздника я смотрел в бинокль на золотисто-желтые деревья Мабона, куда уже пришло Настоящее, и где его встречали корзинами пло-

дов. В самый день праздника даже выходил пораньше на улицу и подметал дорожку, по которой катилось Настоящее, – как будто Настоящее могло оценить мои старания.

Тетушка Луна готовила тыквенный пирог, а мы с дядюшкой вырезали Тыквенного Джека и зажигали свечи. И когда со стороны осени приходила ночная тьма, мимо нашего дома торжественно катилось Настоящее – чудный мир с чужим городами и огнями чужих домов...

До сих пор толком не понимаю, что произошло – просто в какой-то момент что-то светлое отделилось от громадины Настоящего и упало в пожелтевшую траву. Я бросился к блеклому пятну, но тетушка тут же осадила меня – мало ли там что, а когда я увидел, что непонятное сияние слабо шевелится.

Её звали Джекет.

Так она сказала мне в первый вечер, когда я спросил, как её зовут. Вернее, не спросил, сначала ткнул пальцем себе в грудь, назвал своё имя – Сателлит, потом указал на неё, она ответила:

– Джекет.

В первый вечер...

– Так ты заблудилась?

Это я спросил уже потом, после коротких сбивчивых вопросов и ответов, как называется по-ихнему хлеб, а вино, а дом, а трава, а луна, а солнце, а вино, а лю... нет, нет, про Люблю я её не спрашивал.

– Так ты заблудилась?

Нет, она не заблудилась, всё оказалось банальнее, – торопилась в город, ехала в повозке, возвращалась из гостей, вроде как разругалась с кем-то, поэтому ехала одна, а с повозкой что-то случилось, то ли колесо она сломала, то ли что – Джекет пришлось идти пешком, не успела в город к полуночи, еще видела, как закрываются ворота вдалеке.

– А лошадь? – спросил я, – лошадь?

– Лошадь? – Джекет изумленно уставилась на вороного Брауни, который пасся за воротами.

– У тебя сломался экипаж, но ведь у тебя была лошадь, которая везла повозку.

– Нет, – Джекет помотала головой, – не было лошади.

Я ничего не понимал. Я представить себе не мог, что хрупкая Джекет тащила на себе повозку, хотя, быть может, это была маленькая тачка, груженная урожаем или еще там чем. У тачки отвалилось колесо, треснула ось, и надо было всё бросить и спешить в город – но глупая Джекет кинулась поправлять ось, потеряла драгоценное время до захода солнца или до полуночи...

– Ты везла повозку? – догадался я.

– Нет-нет, что ты, – Джекет замотала головой, – я ехала в повозке.

Я ничего не понял, да мне и не надо было ничего понимать. Сегодня предстояло немало дел – разгрести хлам в комнатке на чердаке и устроить там спальню для Джекет. А еще надо было вырезать парочку тыкв и зажечь в них свечи, чтобы Джекет было светло.

– Ты... ты чего?

Я обернулся и увидел, что тонкие плечи Джекет вздрагивают, – я догадался, что она плачет, да я бы тоже плакал, если бы потерял свой дом и оказался в неведомых краях без всякой возможности вернуться домой.

– Ну что ты, – я обнял Джекет за плечи, – мы... мы догоним настоящее, и...

Я тут же понял, что сболтнул глупость. Немыслимо было догнать Настоящее, не стоило даже и пытаться. Я не говорю уже о том, что пришлось бы идти через темные времена после Самхейна, что было подобно смерти.

– Я... а я знаю, что делать... через год Настоящее вернется сюда, и ты снова в него вернешься.

– Джекет недоверчиво всхлипнула.

– Я дам тебе самого быстрого вороного коня, ты поскачешь в нем в свой город... ты успеешь...

Тут же я сам спохватился, что Джекет может и не успеть, слишком коротко время между началом Самхейна и закатом солнца, когда нужно одолеть огромное расстояние между Безвременьем и Настоящим, успеть в город до того, как закроют ворота и зажгут фонари.

– Ничего, – продолжил я, – мы пойдем с тобой в Мабон с его золотой листвой и в Лугнасад, где черничные ночи, и там ты запрыгнешь в своё настоящее, когда оно прикатится туда...

Джекет благодарно обняла меня и прижалась губами к моей щеке...

...в ту ночь я узнал, как на их языке будет – люблю...

...а через какое-то время в наши неприятные края пришли дурные вести – кто-то сообщил, что в далекий Имболк не прикатилось Настоящее.

Сначала мы не придали значения этой новости, и даже тетушка Луна не вздохнула по обыкновению – куда мир катится. Дядюшка философски заметил, что бывает, Настоящее запаздывает в Имболк на два-три дня, а то и дольше. Но когда прошла неделя, а Настоящего все так же не было в Имболке – напрасно местные жгли свечи и костры, – мы поняли, что что-то случилось.

Джекет ничем не выдавала своего огорчения и беспокойства, но мы видели, что она буквально не находит себе места – тетушка Луна уже и не знала, как взбодрить нашу тихую и кроткую Джекет. В этот вечер я снова узнал, как на языке Джекет будет «люблю».

В ту же ночь в приоткрытое окно нашей с Джекет спальни просочился сон: он был какой-то потрепанный, с поломанным крылом.

– Разрешите... я вам приснюсь, – попросил сон.

– Пожалуйста, – ответил я и даже перевесил ловец снов поближе к кровати.

Сон оказался по-настоящему страшным – я даже пожалел, что позволил ему присниться. Я видел во сне, как темнота ночи и холод зимы переступили берег ручья и поплыли к солнцу, к теплу, к тёплому урожайному Мабону, к знойному черничному Лугнасаду, – и вот уже нет теплой летней Литы, вот уже нет костров Белтейна – все поглотили холод и тьма...

Сон очень извинялся передо мной, что он такой мрачный – но я заверил его, что мрачные сны тоже нужны, и даже предложил сну чашку чая.

А наутро я принял твердое решение:

– Джекет, мы найдем твой мир.

– Но...

– ...мы найдем твой мир, – повторил я твердо, – мы пойдем туда, за Самхейн, в сторону Йоля.

Джекет недоверчиво покачала головой.

– Ну что ты говоришь такое, оттуда же никто не возвращался...

– ...да никто и не пробовал туда пойти, поэтому и напридумывали черт знает чего, – сказал я и тут же подумал, что наверняка кто-то когда-то ушел туда и не вернулся, ведь не просто же так появилось это поверье, что стоит зайти за границы Самхейна, как случится что-то страшное.

Узнав о моем решении, тетушка Луна залилась слезами, категорично заявила, что никуда-никуда меня не отпустит, и Джекет тоже не отпустит, зачем бедной девочке такие переживания, себя не жалеешь, так хоть её пожалей. Дядюшка молчал, будто не зная, чью сторону принять, а потом осторожно отозвал меня в свой кабинет, открыл старенький сундучок и протянул мне оберег, выполненный из кости неизвестного животного.

– Надень его, – сказал дядюшка, – есть поверье, что он защищает своего владельца от чего-то там... по ту сторону Самхейна...

Я хотел спросить у дядюшки, было ли проверено это поверье – но не стал спрашивать.

– И вот ещё, – дядюшка достал из сундука свиток и развернул на столе пожелтевшую от времени карту, – здесь, если я не ошибаюсь, показаны тропинки на том берегу ручья...

...меня передернуло:

– Эти вещи побывали... по ту сторону Самхейна?

Дядюшка пожал плечами:

– Одна старая легенда сказала мне, что это так.

На следующее утро мы уже седлали коней – моего вороного Брауни и серую Хэлкет, которую выделили для Джекета. Тетушка Луна напекла нам с собой кренделей и юношеских мечтаний, и еще долго махала нам платочком вслед.

Лес по ту сторону Самхейна оказался вовсе не таким страшным, как я себе представлял – в пожухлой листве, подернутой первым снегом и в черных голых деревьях была какая-то мрачная красота, а когда над лесом поднялась полная луна, Джекет даже захлопала в ладоши от радости, и пожалела, что с ней нет фона, который с марта – она оставила его в повозке, когда та сломалась.

К стыду своему признаюсь, изредка мне хотелось, чтобы мы ничего не нашли – тогда бы Джекет осталась у нас, ей бы не пришлось возвращаться домой, она бы осталась с нами...

Изредка вдалеке виднелись одинокие дома – мне казалось, что в них никто не жил, по крайней мере, казалось. Мы даже видели мельницу на холме, почерневшую от времени – и в окнах мельницы плясали недобрые огоньки.

Когда окончательно стемнело, мы...

...запись оборвана.

...записи найдены на границе с Самхейном. На последней странице обнаружены бурые пятна, экспертиза установила – кровь. На первой странице...

...я увидел эти записи впервые, когда мне было шестнадцать лет, и отец позвал меня помочь ему навести порядок в городском архиве. Тот день выдался необычайно морозным – ветер пронизывал до костей, бросая в лицо горсти ледяного дождя и мелкого снега, не помогали даже горящие на площади костры и зажженные фонари, которые жалобно поскрипывали на ветру. Скептики поговаривали, что скоро Белтейн – последний оплот человечества – падет под напором холода и тьмы, и вечная зима войдет в город. В архиве было немногим теплее, – тусклый огонь очага не мог согреть большой зал, и я втайне мечтал о том моменте, когда мы разложим рукописи по полочкам и перейдем в отцовский кабинет, где жар камина ласково окутывает комнату, а бокал глинтвейна создает особый уют.

Так было ровно до того момента, когда я случайно открыл записи покойного Сателлита – в архиве он значился, как покойный.

Я ничего не сказал отцу о своей находке, потому что мне пришла в голову шальная мысль – найти Сателлита и Джекет, если они еще живы, ну и конечно, разыскать Настоящее:

я верил, что оно существует, даром, что почти все кроме разве что дряхлых стариков считали его выдумкой...

Потерянные недели

Стена.

Дети играют, бросают мяч в стену.

Кто-не-ве-рит-вы-хо-ди...

Секретарь откашливается.

Входит.

Осторожно входит, знает, начальник канцелярии и не в духе может быть, а то и чернильницей запустит, а то и чем потяжелее...

Начальник молчит.

Секретарь снова откашливается.

А начальник все равно молчит.

– Э-э-э... а почему у нас...

Это секретарь. Имя у него простое – знак воды и знак дерева.

Переводите как хотите.

Хотите – водное дерево.

Хотите – деревянная вода.

– Э-т-т-о ш-ш-ш-то т-т-такое? А приветствовать начальника уже и не надо, ш-ш-што ли?

Это начальник канцелярии.

Имя у него посложнее, – знак солнца, знак радуги и два знака человека, это означает – разговор.

Переводите как хотите.

Хотите – разговор солнца с радугой.

Хотите еще как.

Секретарь кланяется.

– Приветствую тебя, солнцеликий.

– Вот так-то получше будет... ну так что у тебя там, что опять потерял?

– Две недели потерял.

– Ну, так на полках поищи, под цинов... чего-чего потерял?

– Две... две недели.

– Это еще как?

– А вот... – секретарь разворачивает свиток, – вот империя наша... великая Цин... основана седьмого января две тысячи лет назад...

– ...и без тебя знаю.

– ...пала семнадцатого июля сего года.

Начальник фыркает:

– Падет, болван, не пала, а падет! О-о-ох, голову тебе мало отрубить за такие речи...

– ...а вот дальше в свитке... на смену ей придет...

...пришла военная империя Дзын первого августа сего года, которая просуществовала три тысячи лет...

– Верно говоришь, – генерал доволен, знает свою работу офицер.

Имя у офицера простое – крик лесной птицы на рассвете и треск молнии.

– А почему же...

РАЗЫСКИВАЮТСЯ

Две недели.

Особые приметы – даты с 17 июля сего года до 1 августа сего года.
Нашедших просьба указать местонахождение...

– Ищите. Как можете, ищите.

Это генерал. Имя у него сложное – звук шума дождя на реке, крик лесной птицы в полночь и стук падающего дерева в пустом лесу.

– Да никак не можем.

Это офицер. (Крик лесной птицы и треск молнии)

– Что не можете, сегодня не можете, а завтра чтоб смогли, ясно вам?

Это генерал. (Шум дождя, птицы крик, стук дерева)

Офицер осторожно возражает, что живет-то их империя на свете всего-ничего, три тысячи лет, и всё, всего-то ничего до паровых котлов дожили, а дальше там новая империя – Дэнь, там-то технологии получше будут, только не дадут они их нам, не дадут...

Генерал хмурится.

Офицер ждет. С надеждой.

Генерал кивает:

– Используйте лифт!

– Используйте лифт!

Это начальник канцелярии.

(знак солнца, знак радуги, знак двух людей – разговор)

У секретаря (знак воды и знак дерева) ёкает сердце, ага, разрешили...

Лифт.

Лиф у империи Цин невелик, всего пять тысяч веков вверх. Вот у империи Дзын лифт побольше будет, десять тысяч лет.

Лифт...

Какой лифт?

Да обыкновенный, какой. Ну, вот ось времени течет – из прошлого течет в будущее, спереди завтра, сзади вчера.

Две тысячи лет – вперед, назад, куда хочешь, а дальше нельзя, дальше на этой земле другие империи жили или жить будут.

Хочешь больше времени?

Так флаг в руки, никто не держит, иди, воюй со страной, которая до твоей здесь была или после твоей здесь будет – может, выживет кто в этой войне...

А вот лифт.

Это когда берешь себе год не в прошлом и не в будущем, а вверху.

И над ним еще год.

И еще год.

И еще.

Много их. Годов.

Секретарь входит.

Кланяется.

Приветствую тебя, солнцеликий, и всё такое.

Откашливается:

– Я нашел две недели.

Начальник вскидывает голову:

– Где были?

...после волнений в империи Ци к власти ненадолго пришли идеалисты, которые мечтали построить рай на земле. Однако, через две недели власть идеалистов была свергнута и в стране была установлена военная диктатура династии Дзын, которая продлилась три тысячи лет...

– Так вы говорите... идеалисты...

Это генерал.

Имя у него сложное – звук шума дождя на реке, крик лесной птицы в полночь и тсук падающего дерева в пустом лесу.

– Две недели.

Это офицер.

Имя у офицера простое – крик лесной птицы на рассвете и треск молнии.

– Разведать.

Это начальник канцелярии.

(Знак солнца, знак радуги и два знака человека)

– Невозможно.

Это секретарь.

(У него имя попроще).

Начальник повторяет:

– Раз-ве-дать.

Секретарь откашливается:

– Стена.

– Что?

– Стена...

Стена.

Семнадцатое мая.

А дальше стена.

Дети играют, бросают в стену мяч, поют что-то, кто-не-ве-рит-вы-хо-ди...

...первым делом новая власть приняла решение восстанавливать города, пришедшие в упадок, а также накормить голодающих, коих было великое множество в то время...

...к началу следующей недели новые власти подняли еще один актуальный вопрос – каким языком пользоваться в новоявленной стране: языком знаков, как в империи Ци или языком звуков, как в империи Дэнь, а может, разработать собственную систему...

– Да кому это надо всё... города, голодающие, языки...

– Ты... ты чего? Ты министр или где?

– Да какой я министр, на две недели министр, а потом что? Военный переворот, и дело с концом!

– Ну, значит, не допустить военный переворот...

– ...ты это уже который раз говоришь?

– Тридцать второй.

– Считаешь, что ли?

– Считаю. Тридцать два раза не получилось, значит, на тридцать третий раз получится.

На сто тридцать третий, на...

– Тебе хорошо говорить, тебя сразу застрелят, а мне еще в тюрьме такое устроят, что мало не покажется!

– Ну, так иди отсюда, кто тебя держит-то? Может, это з-за тебя вообще до сих пор больше двух недель продержаться не можем!

– Разведать.

Офицер смотрит на стену, – она кажется обыкновенной, каменной, но офицер знает, что камнем здесь и не пахнет.

Дети играют, бросают в стену палочки, поют что-то, кто-не-ве-рит-вы-хо-ди...

Офицер (крик лесной птицы на рассвете и треск молнии) подтягивается на руках, хватается за выступы стены, карабкается, чтобы увидеть, что там, там...

Осторожно выставляет над стеной соломенную шляпу – ждет, не пробьет ли шляпу стрела.

Нет.

Ничего не происходит.

Офицер (крик птицы – треск молнии) смотрит по ту сторону стены.

Туман.

Далекие вспышки в тумане, толком и не разглядишь.

Что-то возвышается над всполохами огня, что-то, что-то...

Непонятно.

Не...

Не...

– ...нет, быть того не может, что значит – лифт бесконечный, уж где-то же он кончается!

Это начальник канцелярии. Слушает секретаря, не верит, что бывает так, чтобы лифт не кончался.

Секретарь осторожно соглашается, что да-да-да, конечно, там, у народа за стеной лифт где-нибудь да и кончается, ну через сто тысяч лет или еще когда, но не бесконечный же...

– Извини... наговорил тут вчера лишнего...

– Фух, а мы думали, ты совсем уходишь...

– Какое – совсем уходишь, я министр или не министр?

– Да министр, министр, успокойся, самый министерский министр...

– А вы это... серьезно, что это я вам все порчу?

– Ну что ты, какое там серьезно... в сердцах сказали...

Секретарь замирает.

Имя у него простое – знак дерева и знак воды.

Смотрит на стену.

Не понимает.

Считает даты.

Пятнадцатое июля, шестнадцатое июля, сем...

...а семнадцатого нет.

А дальше стена.

Дети играют, бросают мяч в стену, прыгают, считают чего-то, кто-не-ве-рит-вы-хо-ди...

Офицер замирает.

Имя у него простое – крик лесной птицы на рассвете и треск молнии.

Смотрит на стену.

Считает даты.

Четвертое августа, третье августа, второе августа...

... а первого нет.

Стена.

Дети играют, бросают какие-то палочки, чертят круги...

Сегодня не стало семнадцатого июля.

А завтра не станет шестнадцатого.

Секретарь бежит куда-то к дворцу, подбирает полы плаща...

– ...А я что заметил...

– А что такое?

– А вот обратите внимание, вот империя наша, Дэнъ, появилась в четырехтысячном году.

– Верно.

– А появилась она после падения империи Ци.

– Вы мне школьный курс истории читать будете?

– Да нет... вы смотрите... империя Ци пала в двухтысячном году.

– И что вы хоти... э-э-э... ну-ка, учебник-то мне покажите... опечатка, наверное...

– В архивах посмотрите... везде те же даты...

– Ошибка... ошибка.

– А дальше нельзя.

Так мать говорила мне с того момента, как мне стукнуло двенадцать лет... нет-нет, вру, когда мне должно было стукнуть тринадцать, но не стукнуло, мне сказали:

– А дальше нельзя.

Я и сам видел, что дальше нельзя, что дальше стена.

А еще через год мне было одиннадцать лет.

А еще через год – десять.

Стена подступала, стена ползла, стена...

...нет, эту историю нужно начинать не так.

Тук, тук, тук – мяч об стену.

Кто-не-ве-рит-вы-хо-ди...

Стена.

А дальше нельзя.

Стена.

Карабкаюсь по выступам стены, раз, два, три, перебираюсь через стену...

Кто-не-ве-рит-вы-хо-ди...

Бескрылый офис

- А крылья сюда не прилетят?
Какой хороший вопрос! Не бойтесь, детки, наши офисы оборудованы новейшими системами защиты, которые не пропустят никаких крыльев.
- А мне Скрепочка сказала, а по ночам крылья прилетают и душу пьют!
– Скрепочка! А ну-ка выйди в круг... давайте поприветствуем Скрепочку аплодисментами. Вот так, хорошо. А теперь скажи, Скрепочка, ты рассказала про крыльев?
– Ага... а я... а я её напугать не хотела...
– Нет-нет, погоди, сначала скажи, что ты сделала хорошо.
– А я... а я подружке про крыльев рассказала...
– Верно. Ты дружишь с девочками, это прекрасно. Ты рассказываешь разные вещи, и это здорово. А вот что делать нежелательно?
– Пугать...
– Верно, негативные истории нежелательны. А теперь давайте подумаем, как сделать у истории про крылатых позитивный финал...

Я уже не помню, какой там Скрепочка придумала позитивный финал.

Более того.

Я этого не знаю.

Меня там не было.

Это случилось совсем в другом офисе.

- А башня Рушица, это где?
– Какой хороший вопрос! Мы запишем ваш вопрос в блокнот и обязательно обсудим на ближайшей конференции...
Не знаю.
На языке офисной этики и всего такого это значит – не знаю.

Долго не решаюсь войти в кабинет, наконец, чувствую, что все смотрят на меня. Стучу в дверь. Еще. Еще. Никто не откликается.

Толкаю дверь.

Вхожу.

Екает сердце, так и жду окрика, по-до-жди-те.

– Э-э... Принтер Мониторович...

Тишина.

– Принтер Мониторович, – говорю чуть громче, – вы вызывали...

Тишина. Какая-то пугающая, не офисная. Даже вентилятор притих.

– Принтер Мони...

Спохватываюсь – что никакого Принтера Мониторовича в кабинете нет. Тем более странно, что дверь в кабинет одна, не мог же он, в самом деле...

Башня Рушица.

Среди записей покойного (убитого) найдены две строчки:

Башня Рушица.

Башня Рушица, башня Рушица, думал я. Я знал башню Прогресс и знал башню Консолидация, я знал башню Консорциум и башню Конгресс. Но башни Рушица я не знал.

– Что, Ластик, шеф тебя зовет, – Бейджик посмотрел на меня понуро, обреченно, будто звал на казнь.

Да так оно и было. На казнь. Это я сразу почувствовал. Бывает такое в офисе, еще ничего не случилось, вроде все как было, так и есть, те же чертежи по стенам, те же плакаты, тот же крепкий кофейный дух, а все-таки – не то.

Чуешь беду.

Нутром чуешь.

– Что... – еле выдавливаю из себя слова, – злой сильно?

– Да нет... отрешенный какой-то, никогда его таким не видел, – кивнул Бейджик.

Стало страшно. Злой шеф – это еще дело привычное, на то он и шеф, чтобы быть злым. Но отрешенным шефа я не видел еще никогда, это было что-то новенькое.

Очень новенькое.

– Заявление просил написать.

Гром среди ясного неба. Мне кажется, я ослышался.

– З-заявле...

– Ну. Доигрался ты.

Бейджик говорит – с напускным сочувствием, под которым прячется злорадство. Очень хорошо прячется. Но злорадство. Здесь никто никому не сочувствует по-настоящему, это я понял уже давно, ждут, когда человек выйдет в коридор, чтобы украдкой, только это между нами, только ты ему ни слова, а он-то... а он...

Пищу заявление, долго не могу вспомнить фамилию шефа, потом свою собственную фамилию, потом название фирмы (Арт-хаус-Арабикус), потом число, третья марта две тыщи пятидесятого...

Вроде все...

Перепортил кучу бумаги, так и слышу голос шефа, что, бумаги не жалко? Жа-алко. Жалко у пчелки... пчелка на елке...

Кто-то, кажется, Кулер, хлопает меня по плечу:

– Удачи.

Хочется дать ему в морду.

Лихорадочно припоминаю, какие офисы есть поблизости, кто где требуется, никто нигде не требуется, все места заняты. На нашем этаже, кажется, кто-то был нужен, только на нашем этаже оставаться не хочется, видеть косые взгляды бывших коллег, шепотки за спиной...

Долго не решаюсь войти...

...не мог же он, в самом деле...

Давлюсь собственными мыслями.

Оторопело смотрю на разбитое окно, ветер путается в жалюзи, гоняет бумажки по полу.

– Имя-отчество? – следователь смотрит на меня почему-то исподлобья.

– Ластик Факсович.

– Фамилия ваша?

– Арт-Хаус-Арабикус, только это не моя уже... я из офиса увольняюсь...

– Что ж вы так в день смерти директора уволиться решили. М-м, ничего подозрительного в поведении покойного в тот день не замечали?

– Какой-то задумчивый был, отрешенный. Как не от мира сего. Никогда такой не был.

– Предполагаете самоубийство?

– Ничего не предполагаю.

– И правильно, нечего вам предполагать. К покойному претензии имели?

– Да кто к нему претензий не имел...

– То есть, хотите сказать, сами бы его с удовольствием из окна выкинули?

– Да что я, мы бы его всем офисом из окна выкинули. И еще на бис.

Хихикают девчонки в углу, Ручка с Кнопочкой, погодите, дохихикаетесь, вас тоже допрашивать будут.

Большое спасибо, подождите здесь...

Уже догадываюсь, что это значит – подождите здесь.

Следователь оборачивается, ищет меня.

Напрасно.

Меня уже нет.

Выскальзываю в коридор, поднимаюсь на лифте – на какой-то там этаж, выхожу в незнакомый зал, затравленно оглядываюсь. Закрытые двери, кодовые замки, домофоны, вывески, таблички, жми сюда, жми сюда, распространителей просьба не беспокоить.

Лихорадочно соображаю, как мне жить дальше.

Ничего не соображается. Спрашиваю себя, что я умею. Ничего не умею. День добрый, рекламные площади не интересуют? А в этом месяце у нас скидка, а при единовременном заказе...

Что я умею...

Ничего.

Сижу в очередном холле очередного этажа, смотрю на спящих вокруг людей, черт их дери, все они что-то делают, все до единого, я один здесь сижу как кусок даже не скажу, чего, припоминаю, что я умею.

Ничего.

Люди поднимают снизу вверх тяжеленные мешки, вижу, как один из мешков рвется по швам, из него россыпями летят золотые монеты. Это я знаю, привычное зрелище, люди поднимают вверх мешки с золотом, собирают золото внизу, поднимают на верхние этажи, выше, выше. Говорят, пентхаузы уже доверху забиты золотом власть имущих, видел в новостях. Так забиты, что при сильных порывах ветра бизнес-центр покачивается из стороны в сторону.

Собираюсь с духом.

Иду по этажу, оглядываю двери, читаю на каждой двери неизменное – нет вакансий.

– Первые испытания психотропного оружия прошли удачно.

– Ну, кто так отчеты составляет, кто составляет, я вас спрашиваю?

– Я составляю.

– А вы еще шутить изволите... Удачно – это как?

– Удачно, это удачно. Уже четыре человека из окна выбросились...

– Какие человеки-то, сошки какие-нибудь мелкие, пешки какие-нибудь, которые что живут, что умерли, один хрен?

– А четырёх директоров не хотите?

– Директоров грохнули? Ну вы вообще... это ж надо ж было... Кому русским по белому сказал пробовать на мелкой сошке какой-нибудь, на мелкой – не-ет, мы умные самые, мы сразу межофисный скандал закатить хотим... ладно, черт с вами... сделали и сделали... уешки завтра вам перечислим...

Чувствую, как тошнота подкатывается к горлу, пол подскакивает и приплясывает под ногами. Раньше и не думал, что бывает так, раньше и не думал, что значит – хочется есть. Хочется есть – это когда время ползет к двум, до конца дня еще как до Парижа пешком, что, девчонки, по кофейку дерябнем, или там, Клава, посиди на телефоне, я на обед скорехонько...

Тогда не знал, что так бывает, когда перед глазами пляшут какие-то огоньки, и голова уже вроде как не твоя, вот-вот оторвется, полетит искать себе другое тело, здоровое, сытое, не изможденное скитаниями.

Прислоняюсь к стене.

Чувствую, больше не могу.

Нищим представлял себя только в ночных кошмарах, никогда не задумывался, как это – просить милостыню. Было что-то, на каких-то тренингах, как развить уверенность в себе, подойдите к человеку в коридоре, попросите денег. Привыкайте, что вам говорят «Нет»...

То на тренингах.

А то на самом деле.

Как назло лифт выплевывает в коридор прохожего, и хочешь не хочешь, а нужно идти ему навстречу, просить, и не скажешь – я еще не готов, я еще должен настроиться, у меня все хорошо, у меня все получится...

Иду к нему, повторяю про себя, медленно, нараспев, главное, сказать как можно непри-
нужденнее, а у вас покушать ничего не найдется? Наплету что-нибудь, что весь день мотался по офисам, даже перекусить некогда, кофейку не дашь, вот спасибо, век не забуду...

И все такое.

Расстояние между нами сокращается.

Повторяю – как мантру, как заклинание – у вас покушать ничего не найдется... у вас покушать ничего...

Мы поравнялись.

Оборачиваюсь. Главное, улыбаться, главное...

Он улыбается, говорит мне:

– А у вас покушать ничего не найдется?

Рушится мир.

– А Файл где?

– Увели его.

– В смысле... другую работу нашел?

– В смысле увели. Совсем.

– Это... к-куда?

– А то сам не знаешь...

Тишина.

Кулер разливает кофе.

– Она еще вчера прилетала.

– Кто она?

– Девка эта... вот так же сидим, кофе пьем, ластик на окно показывает, рукой кому-то машет. Я смотрю, там девка с крыльями висит, ну как на заставке на компе... и Файлик ей машет, айда к нам...

– А она чего?

– Улетела, чего... а потом просыпаемся, а Файлика на месте нет, и окно распахнуто...

– Это они так нашего брата выманивают?

– Ну а то... им жрать-то там что-то надо... вот и охотятся за дурачком таким, как Файлик этот... У них вроде гипноз есть, они человеку что только не внушают...

– А у вас покушать ничего не найдется?

Рушится мир.

– Э-э-э... да... н-ничего.

И язык не поворачивается сказать, что хотел попросить его о том же самом.

Затравленно смотрю на кофейный автомат, затравленно думаю, как бы взломать систему. Нет, программы я еще взламывать умею, но чтобы кофейные автоматы...

– Сейчас бы кофейку... – говорю, не знаю, для кого.

– А у меня монеты есть, – он показывает мне россыпь десятирублевков.

Оторопело смотрю на него, и чего ради он просит у меня чего-нибудь покушать.

– Угощаете? – спрашиваю с надеждой.

– Угощаю.

При этом не двигается с места. Что ему от меня надо, никак не возьму в толк.

– Э-э... а я не умею, – наконец, говорит он.

– Что... не умеете?

– А как тут... сделать, чтобы кофе был?

Смотрю на него – уже не оторопело, уже вообще не знаю, как это назвать, первый раз вижу человека, который не умеет пользоваться кофейным автоматом.

– Ну, давайте я. Вам какой, латте, эспрессо, каппучино?

– Ла... латы.

Берут латте для него, беру шоколад для себя, чуть не роняю стаканы, здорово же я ослаб...

– Да сумасшедший там ходил какой-то.

– Как понять, сумасшедший?

– Так понять, сам с собой разговаривал. Ну, не сам с собой, а жестикулирует перед кем-то, говорит что-то, потом смотрю, два кофе взял, руку со стаканом протягивает, держи, мол, и стакан выпускает...

– Не, это не сумасшедший... тут другое...

Планшет подходит, уверенно стучится в первую дверь. Тут же спохватываюсь, какого черта я пропустил его вперед, вот сейчас он устроится, найдет себе тепленькое местечко под солнышком, а я и дальше буду обивать пороги...

Хорош...

– Входите, входите, не заперто!

Женский смех. Какая-нибудь очередная Ручка со Штучкой, не иначе.

Смотрю, как он заходит, бочком-бочком, неуверенно, кланяется девчонкам, сидящим за столами, человеку в углу. Что за манера, кланяться людям, плохое время ты нашел придуриваться.

– День добрый... э-э... я по объявлению. Вам менеджер...

– Нужен, нужен, – закивали девчонки, как-то слишком уверенно они держатся, не похожи на простых смертных, как бы не оказались начальницами, – давайте знакомиться, где раньше работали?

– Э-э... везде помаленьку.

Девчонки переглядываются, вспоминаю расхожую поговорку, кто везде, тот нигде.

– Ну что же... заполните анкету, будьте добры.

Смотрю, как крашенная блондинка протягивает Планшету разлинованный лист и ручку, что он делает, черт его дери, что он делает, бережно-бережно заштриховывает листок от и до...

– А вы тот еще оригинал... – блондинка смеется, – с компьютером на ты?

– Это как?

– Ну... на компьютере работать можете?

– М-могу.

– Прошу вас, – блондинка показывает на широченный ноутбук на столе.

Оторопело смотрю, как Планшет забирается на клавиатуру, бережно становится на нее коленями. Не понимаю, наяву это все, на самом деле, или мне это снится. Наверное, снится. Уже было такое чувство, когда вошел в кабинет Принтера Мониторовича, а самого Принтера Мониторовича там не было, и в окне зияла огромная дыра.

– Что... что я должен делать? – спросил Планшет.

Молодцы девчонки, вышколенные, ни один мускул не дрогнул на лицах, хотя вон та, рыженькая, кажется, вот-вот упадет в обморок.

– Большое... Б-большое спасибо... нам было очень приятно с вами... общаться...

– Да уж, – подумал я.

– Мы вам... сообщим о нашем решении... в-всего хорошего...

Я смотрел, как он выходит из кабинета, спросил себя, зачем он это сделал. Нет, видел я, конечно, в офисах клоунов, но это был какой-то особенный клоун, такой клоун, который всех клоунов переключит...

– Как думаете, меня уже взяли? – спросил он.

Издевается...

– Я так не думаю... пойдете.

Загоняю Планшета в лифт, едем на этаж выше, проклинаю все на свете, сколько здесь было офисов, сколько лакомых кусочков, и все, и на тебе, теперь ни в один не устроишься, наша дурная слава идет вперед нас.

– Я... что-то сделал не так?

– Вы все-то сделали не так.

– А вы можете показать мне... как надо?

Могу. Это я могу. С этого и надо было начинать, а не строить из себя невесть что. Издевается он надо мной, что ли... Очень похоже. весь вопрос, зачем он это делает...

Лифт раздвигается, выплевывает нас на очередной этаж, в вереницу очередных офисов. Оглядываю двери, двери и двери, замки, домофоны, кнопки... жму на ближайшую кнопку, что-то я поторопился, надо было постоять, обмозговать, хотя бы подготовить речь, день добрый, я по объявлению...

На мой звонок никто не откликается, толкаю дверь, она поддается удивительно легко. Вхожу в еще один длинный коридор со множеством дверей, дергаю ручку первой попавшейся двери...

...одна пуля, кажется, меня оцарапала, да не кажется, а так оно и есть, вон, извивается, струится по штанине красный след. Не помню, как вылетел из закутка, очнулся уже возле лифтов, нет, не может мое сердце так бешено колотиться, это мне кажется...

Ну не смотри на меня так, Планшет, не смотри, сам вижу, опростоволосился, вот что значит, всю жизнь прожил на одном своем этаже, про порядки на других этажах знаю только понаслышке...

Дверь закутка распаивается, выпускает охранника в черном, отчаянно колочу по кнопкам лифта, ну только посмей не открыться...

...вваливаемся в лифт – в последнюю секунду, когда пули уже чиркают по стене...

– Ну что, Бейджик, тебе сегодня задание...

– Будет сделано.

– Я и не сомневаюсь в твоих способностях. Вид за окном надо поменять.

– М-м-м... боюсь, я...

– Нет-нет, не надо бояться, это негативные слова.

– Думаю, мне недостаточно информации для решения этой задачи. Буду вам очень благодарен, если вы поделитесь опытом.

– Ну а что тут делиться, вот, заходите в раздел «Управление окном», здесь выбираете – «Вид», и вот тут... а давайте в этом месяце у нас в окне будет тропический пляж, всё-таки лето...

– Постойте-постойте... вы хотите сказать... это окно... ненастоящее?

– Отчего же ненастоящее, окно как окно...

– Нет... я имею в виду, настоящее окно через которое пройти можно...

– Для этого у нас в офисе есть дверь.

Заказываю латте для Планшета.

Горячий шоколад для себя.

Прикидываю, сколько у нас осталось мелочи, почему у нас, у Планшета, живу на его медяки, только потому и терплю его рядом с собой...

Конторы, конторы и конторы. За железными дверями. За железными замками. За семью печатями. За колючей проволокой.

Спыхватываюсь.

Оторопело смотрю на него:

– Вы что... и правда не умеете работать на компьютере?

– А... меня Принтер Мониторович научить не успел.

Чуть не роняю стакан, мне кажется, я ослышался.

– Вы... вы знали Принтера Мониторовича?

– Ага... а он мне что-то показывал, как с телефоном обращаться, и все... а больше я не спрашивал, думал, не понадобится...

– А вы знаете, кто его убил?

Планшет смотрит на меня ошарашено:

– А... а разве его... убили?

– Ну, не знаю, или покончил с собой... из окна выпрыгнул.

– А-а, вы вот про что... из окна...

Сидим на полу в коридоре, потягиваем из стаканов, здесь даже нет кресел, не можем расположиться с комфортом. Без кресла и стола с монитором чувствую себя каким-то раздетым, если не хуже, поганенькое такое чувство, будто с меня содрали кожу.

– А вы мне покажете, как компьютером пользоваться?

Смотрю на него, брось дуричь, всякому шутовству есть предел...

– Этот-то велел вид из окна поменять...

– Опять, что ли? Офиге-еть...

– Ну, разнообразие не помешает...

– ...да при чем тут разнообразие, ты хоть понимаешь, что наш шеф просто так ничего менять не будет?

– А что там с этим видом старым случилось?

– Опять, похоже, прорыв...

– Канализацию, что ли, прорвало?

– Да не-ет, какую там канализацию, уж лучше бы её... тут другое... про крылья слышал?

– Не придуривайтесь. Вы не можете этого не знать.

Наступаю на Планшета – теперь ты у меня не отвертишься, ври, ври да не завирайся... ты за идиота-то меня совсем не держи...

– Но... я правда не знаю...

– Вы не можете этого не знать, как будто вы не в башне родились!

– Да... не в башне.

– Издеваетесь? – взвожу курок.

...ну вот... крылья, как на заставке в компе... только смотрю, не заставка это никакая в окне, а настоящая тварь крылатая из окна лезет... я в неё сканером швырнул, она убралась к черту... Я наутро шефу рассказал, вот после этого заставку в окне и поменяли...

А... что это было-то?

Да не знаю я... заставки, бывает, в окне глючат...

Слушай, страшно как-то...

Да чего страшно, ничего там нет! Вот, смотри, смотри... вот я окно открываю, вот я экран поворачиваю, вот за ним коридор... что ты, в самом деле...

БАШНЯ РУШИЦА

ПО ВАШЕМУ ЗАПРОСУ НИЧЕГО НЕ НАЙДЕНО

– А кулеров у вас нет?

– Нет.

– И кофейных машин нет?

– Тоже нет.

Хочу спросить, как же вы живете вообще. Не говорю. Спускаю крючок.

Пуля бьет в стену – где секунду назад стоял Планшет, теперь понимаю, никакой он не Планшет, черт его пойми, как зовут его на самом деле. Планшета уже нет, вспархивает, машет огромными крыльями, со звоном разбивает стекло, вылетает на улицу.

На улицу...

Слышатся звуки улицы – чужие, непривычные, пугающие.

Две тени.

Там.

Снаружи.

Цельсь. Чувствую, что не убью обоих одним выстрелом, придется стрелять дважды.

Стоящий рядом с Планшетом оборачивается.

Кажется, я кричал, не помню.

Когда увидел лицо своего шефа.

– Ластик, вы что в смете намудрили, вы сами-то видели? – кричит шеф.

Окрик – из бесконечного далекого прошлого, как из кошмарного сна.

– Шучу, шучу, что ты, в самом деле... – шеф смеется, хлопает меня по плечу.

Роняю кольт.

Ощупываю спину.

Ощупываю. Спину.

Ощу...

Быть не может.

И все-таки...

Вот они. На спине. Хочется сказать – две опухоли. Хочется сказать – два безобразных нароста. Много что хочется сказать.

Не говорю.

Называю вещи своими именами.

– А чего башня вчера тряслась?

– Какой хороший вопрос!

– Не знаете ответ?

- Отчего же не знаю, знаю... Помните, директор из окна выбросился?
- Крылья выросли...
- Ну... а помните, псих этот по коридору ходил, сам с собой разговаривал?
- С ума сошел?
- Да нет... выше берите...
- А нет-нет... психотропное оружие, верно?
- Верно. Вот так оно и действует. А помните...
- Пойдите-пойдите, не сходится что-то... Вот у нас Файл был, его девка крылатая увела...
- Было дело.
- А вот я окно открываю, экран поворачиваю, а за ним коридор...
- Тоже верно.
- Так как такое может быть?
- А вы еще не поняли, что в нашем бизнес-центре пересекаются разные варианты действительности?
- Это легенда?
- Не верите? Ну-ну... я тоже сначала не верил... вот они и схлестнулись вчера... крепко так схлестнулись... вот башня и дрогнула...
- Так и развалиться может...

Прыгаем в кабину лифта, башня снова вздрагивает, будто ее ударили невидимым кулаком.

Шеф жмет на кнопку с единицей. Никогда не замечал, чтобы кто-то жал на эту кнопку, она даже не поистерлась в отличие от других, стертых до блеска, до невидимости, до – догадайся сам, что за этаж.

Кнопки лифта отчаянно мигают в агонии.

Черт...

Башня раскачивается. Лифт замирает с предсмертным хрипом. Отчаянно колочу по клавише – открыть двери, не верю, что откроется. Створки нехотя раздвигаются, не выходим – вываливаемся из лифта в суету и неразбериху в коридоре. Кто-то сбивает меня с ног, хочу кому-то дать сдачи, не успеваю, снова накрывается башня...

Лихорадочно вспоминаю, где тут лестница, ничего не вспоминается, а может, я и не знаю ни про какую лестницу. Шеф мой с ума, что ли, спятил, распахнул окно, замер на подоконнике...

– Прыгай!

Не двигаюсь с места, жить мне, что ли, надоело...

– Да прыгай же, м-мать твою!

Спохватываюсь, вспоминаю про то, что у меня за спиной. Поднимаюсь на подоконник, смотрю вниз, в пустоту Улицы, понимаю, что не смогу.

Шеф тоже понимает, что я не смогу, сталкивает меня с подоконника.

Захлебываюсь криком.

Крылья расправляются сами собой, крылья сами знают, что делать.

Летим, подхваченные ветром.

Снижаемся.

Что-то с грохотом падает позади, сотрясая землю. Не оборачиваюсь. Некогда оборачиваться.

Медленно опускаемся на ковролин, странный, покрытый крупным зеленым ворсом. Мое лицо овеивает ветер, не понимаю, откуда он дует, не вижу рядом ни одного кондишна. Что-то

опускается мне на руку – плоское, зеленое с золотом по краям, чуть клейкое, пахнущее чем-то свежим, манящим.

Я еще не знаю, что это.

Мне многое еще предстоит узнать.

...вчера при столкновении нескольких реальностей погиб случайный прохожий. Очевидцы указали его имя – Ластик – и род занятий – он временно не работал в связи с увольнением. Судя по поведению, погибшего терзали очень яркие предсмертные видения, а возможно, виной тому были проблески иных реальностей...

– Отличное резюме! Еще вопрос: вы умеете водить машину?

– Да.

– А вы знаете, что такое машина?

– М-м-м... какой хороший вопрос, я обязательно узнаю...

– То есть, вы уверяете, что умеете водить машину – но при этом не знаете, что это такое?

– А в вашей фирме умеют задавать на собеседовании неожиданные вопросы.

– И все-таки о машине...

– Ну, я сказал так, потому, что это ритуал. Так положено на вопрос о машине ответить – да.

– Молодец, признались. Мы очень любим честных людей. Ну что же, вы знаете, чем занимается наша фирма?

Вариантами реальности.

– Очень хорошо, а вы знаете, что это такое?

– М-м-м... имею представление.

Вы в курсе, что недавно на семьсот двенадцатом этаже столкнулись несколько вариантов?

– Да.

– И сколько же?

– Все четыре.

– А вот и нет... их было пять.

– А какая пятая реальность?

– Вот это вам и предстоит выяснить. Что же... ненормированный рабочий день, оклад плюс премиальные...

Большой разрыв

Запасов воздуха – на 30 лет.

Воды – на 30 лет.

Биомассы – на 30 лет.

– Э-э-э... Вху ар ю ту дэй?

Говорю, так и слышу в ушах голосок Мариваны, тебе, Супов, медведь не то что на уши наступил, он на них отплясывал...

Ладно, сам знаю, что это про меня анекдот: англичане сами не знают свой родной язык, мой английский в Лондоне никто не понимает.

Стучу к Эльзе. Хоть имя помню, Эльза, Эльза... или Лиза? Вот, блин...

– Эльза... кэн ай гив ю э кап оф ти?

Вроде так... позвольте пригласить вас на чашку чая.

Тишина за дверью. Хоть бы крикнула что ли, ай донт андестанд, или еще чего. Или лихо-радочно соображает, что я такое сказал.

Снова стучу в дверь.

– Лиза!

Вот, блин, а если она не Лиза, а Эльза... тьфу... Черт, Одоевский по-английски только так шпарит, Маргарита по-английски только так, а Эльзу звать меня послали...

Толкаю дверь, открывается как-то неожиданно легко. Сейчас окажется за дверью Эльза, голая, завизжит, аа-а-а, руссиш швайн, потом засудит меня за этот... харакири... нет, харасмент...

– Эльза!

Нет её, что ли, а как нет, куда она денется, можно подумать, в доме есть куда деться.

В доме...

Надо название ему придумать, какое-нибудь навороченное, последний оплот, армагеддон, апокалипсис... а то все дом, дом...

– Эльза!

Спит, лежит на кровати, раскинув руки, голова свешена, а я ору тут как на базаре... Чш, так не спят, первый раз вижу, чтобы так спали, так и шею сломать недолго. Хочется подойти, поправить голову, только потом меня точно за харасмент засудят, прелести чуть прикрыты маечкой...

Все-таки подхожу, тут же отскакиваю, это новенькое что-то. Ошибка, розыгрыш какой-то, сейчас подскочит, а-а-а, купилсь, сюрпрайз, сюрпрайз... не подскакивает, зачем-то хлопаю по щекам, сжимаю руки, ищу пульс...

...бросаюсь в коридор.

– Ты чего там, заснул, что ли? – Одоевский сонно смотрит на меня.

– Эльза... Эльза...

– Чего она?

– Уби... убили...

Давлюсь страшным словом, таким неуместным здесь, в последнем оплоте жизни...

Объем дома – 100 км³

Гравитация внутри дома – поддерживается искусственно

Постоянная температура – 20 0 С, поддерживается искусственно

Прочность дома – способен выдержать Большой Разрыв

Сегодня улетели все звезды.

Куда – не сказали.

Просто снялись все с места, унеслись куда-то. Интересно так смотрелось, звезды в небе двигались, так было в каких-то детских снах, помню, просыпался, подбегал к окну, смотрел, да точно ли звезды движутся, у-у, нет, неправда...

На земле паника. Смотрел в новостях, земля кипит революциями, все против всех, люди как будто хотят выплеснуть все, что накопилось за всю историю человечества, все, в чем боялись признаться даже самим себе. красные против синих, зеленые против желтых, мужчины против женщин, крест против полумесяца, пчелы против меда. Кто-то взорвал Храм Христа Спасителя, кто-то угоняет космические челноки, надеется непонятно на что.

Потому что надеяться не на что.

Останется только Дом.

Которому надо дать имя.

Хочется поговорить с нашими, как там сейчас на земле. И нельзя, знаю, нельзя, Одоевский скривит рожу, будто лягушку съел, опять спросит – ты чего, по Земле соскучился?

Успеем еще соскучиться по земле.

Смотрю из окна Дома на панораму Москвы внизу, еще живой, еще сверкающей огнями реклам, а кое-где и пожаров. В который раз говорю себе – может, все обойдется.

– Ну что... – Одоевский чешет нос, – кто её так?

Оба – и Одоевский, и Маргарита смотрят на меня. В упор.

– А... когда я пришел, она уже мертвая была...

– Чем докажешь?

Вспыхиваю. Вот чего терпеть не могу, так вот этого, когда не виноват ни в чем, а меня обвиняют... Еще с детства, где-то в садике, Супов ваш окошко разбил, я к этому окошку и близко не подходил даже, и потом...

Ладно, не о том речь.

Так что вот это самое обидное. Как это у других людей получается, наворовал, наубивал, сухим из воды вышел, тот же Одоевский... чш, про Одоевского ни слова... благодетель наш...

– Ну а чего ради мне идти, а потом орать, что убили?

– Того... чтобы не подозревал никто...

– Честно, не я...

Одоевский чешет нос.

– Блин, хотел ведь камеры поставить, и нате вам... уж никак не думал, что в спальнях камеры ставить придется...

– Еще не хватало, в спальнях! – Маргарита топорщит перья, громкая, наглая, задним числом думаю, жалко, что Эльзу хлопнули, жалко, что не Маргариту...

Чш, чш, что я думаю вообще...

– А снаружи... никто не заходил? – спрашиваю, хватаюсь за соломинку.

– Я те зайду снаружи, если кто снаружи заходил, нам вообще всем хана будет... Делали-делали герметизацию, еще снаружи кто-то войдет... – Одоевский чешет переносицу, – нее-е, это из наших кто...

И опять смотрят на меня. Оба. Вот это хуже всего, что на меня, почему на меня,

Одоевский берет меня под локоть.

– Пойдем.

– К-куда?

– Пока под арестом подсидишь, потом...

Холодеет спина.

Мир уходит из-под ног. Раскрываю рот, готовлю какие-то слова, это не я, не я, не я, точно вам говорю, не знаю, кто это сделал, герметизацию дома проверьте, а то знаем мы герметизацию эту, вот так вот проверим все на тридцать три раза, и останется какая-нибудь лазейка в километр, входите, люди добрые...

Ничего не успеваю сказать.

Мир за окнами летит кувырком, дома складываются, как карточные, бешеный ураган подхватывает то, что было Москвой...

– Началось, – шепчет Одоевский.

Солнце над горизонтом сжимается в точку. Исчезает. Темная тень падает на мир, чувство такое, будто кто-то погасил свет.

Маргарита кричит. Отчаянно, пронзительно, жалобно, зажимает уши, визжит, визжит, хочется нахлопать её, чтобы не визжала... Задним числом думаю, может, под шумок забудут про меня, не поволокут под арест...

Дом.

Дом большой, Одоевский говорил, в нем сорок восемь комнат, у каждого из нас спальня, что-то вроде кабинета, отдельная ванная. Плазменные панели на стенах. Огромный зал. Бассейн. Хранилище, ну, без хранилища никуда.

И много еще чего.

Дом большой.

И все-таки он кажется маленьким. Может, потому, что из этого дома уже не выйти. Никогда.

Потому что там, снаружи – уже ничего нет.

Прохожу мимо бассейна, мерзехонькое такое чувство, не чувство – чувствишко – вот сейчас загляну, а там труп. Неважно, чей. Но труп. Заглядываю. Ничего нет. Темная тень шевелится на дне, приглядываюсь, вздрагиваю, когда вижу матерого аллигатора.

Три-дэ...

Иду дальше, к себе. Нужно чем-то занять остаток жизни, сколько там мне осталось, лет тридцать, или сорок, или я не знаю, сколько. Это там, в большом мире кажется, жизнь коротенькая, не коротенькая – коротюсенькая, а сколько надо успеть, вырастить дом, родить дерево, посадить сына, или наоборот, кончить школу, получить диплом, родиться-жениться-учиться, а я еще в Париже не был, и никогда не буду, а в Лондоне, а...

Это там.

В мире.

А тут все, спешить никуда не надо.

Потому что мира больше нет.

Иду к себе, думаю, чем занять вечер, вот, блин, там, в мире, сколько мечтал, будет время, сяду на диван, сколько перечитаю, пересмотрю, переделаю, а тут нате вам, как подумаешь, что этим заниматься следующие тридцать-сорок лет...

Негромкие голоса за дверью. Прислушиваюсь. Просто так...

– ...ну какой ребенок, ну Ритка, ты вообще думаешь, что делаешь, какой ребенок, я тебя спрашиваю? Ты с ума сошла, или как?

Ребенок... какой ребенок, где она ребенка подобрала, на улице, что ли... тут же спохватываюсь, понимаю, что за ребенок...

Вот черт...

Вспоминаю, сколько там Одоевский говорил, осталось на наш век кислорода, и воды, и хлеба, и зрелищ, и всего такого...

Ну-ну...

Нашему поколению ещё хватит, но никак не следующему...

Иду к себе, мне отвели комнату на первом этаже, здесь в полосе света видно землю. То, что от неё осталось. Даже странно, холод собачий, а снега нет, ну конечно, откуда здесь снег, все океаны оледенели до самого дна, все облака замерзли и упали на землю...

В полосе света из моего окна вижу кусочек улицы. На перекрестке обнявшись лежат двое, парень и девушка, пытаются согреть друг друга своим теплом...

Пытаются...

Спохватываюсь, они же уже мертвы, давно мертвы. Женщина с ребенком, тоже мертвая, прижалась к моему окну, кажется, стучалась до последнего, просила пустить...

Отворачиваюсь, задергиваю занавеску.

Первый раз думаю про себя – скорее бы все кончилось. Вообще все. А до этого думал, как бы отсрочить конец...

Запасов воздуха – на 10 лет.

Воды – на 10 лет.

Биомассы – на 10 лет.

– Как она лежала?

Затравленно смотрю на широкий диван, вспоминаю, как она лежала. Не вспоминается.

– Да... вроде поперек дивана...

– Как... поперек дивана? – Одоевский хмурится, – голова её где была?

– С... с дивана свешивалась...

– Стой, ты только что говорил, она лежала так, будто спала. Кто ж так спит...

– М-м-м... слушайте, не помню я. Не помню.

– Ну как не помнишь, ты же видел её? Видел?

Взрываюсь:

– А что я запомню, думаете, я труп увидел, еще два часа стоять запоминать буду, как лежал? Да я чуть в штаны не наделал, когда вошел, она мертвая... как-то не каждый день трупы видишь...

– Чего не каждый день, вон, на улице глянь...

Вздрагиваю. Зачем про улицу сказал, ну зачем... ну ничего, вроде отстал от меня, вроде понял, поверил, что не помню ни хрена... У Ритки глаза красные, плакала, что ли, ладно, не моё дело...

Конец наступил ночью.

Яркая вспышка за окнами, поднимаюсь, отдергиваю занавеску, задним числом спохватываюсь, что я в одних трусах, да кто на меня там смотреть будет, смотреть на меня уже некому.

Земля идет трещинами. Больше, больше, раскалывается на куски, тошнится раскаленной магмой, еще живой, еще горячей. Осколки земли разлетаются. Стремительно. Даже как-то слишком стремительно, вот только что были – и уже ничего нет. Понимаю, что наш Дом летит куда-то в бесконечность – с огромной скоростью, обгоняя самый свет, и только какие-то системы внутри дома помогают нам не расплющиться в кровавое месиво.

И всё.

И темнота за окнами. Непроглядная. Ночью такой темноты не бывает, я, оказывается, раньше и не знал, что такое темно.

Теперь знаю.

Темно – это после конца света.

Смотрю в темноту, ищу какие-то элементарные частицы, которые, говорят, должны были остаться... ничего они мне не должны.

Не нахожу.

Запасов воздуха – на 5 лет.

Воды – на 5 лет.

Биомассы – на 5 лет.

– Смотри.

Одоевский показывает на экран. Не понимаю. Длинный коридор, каких множество в Доме, ряд дверей.

– И?

– Дальше смотри.

Смотрю. Что еще остается-то, вся вечность впереди...

– И? – Одоевский толкает меня в бок.

– И что?

– Не заметил?

– Н-нет...

– Еще смотри... эх ты, куда пялишься, на время смотри!

Смотрю на время в углу экрана, двадцать-двадцать-двадцать, хорошее время, можно загадывать желание... Нет, тут другое что-то, не будет Одоевский волноваться из-за каких-то там желаний...

Спохватываюсь, снова смотрю на время: двадцать-нуль-нуль-нуль-два. Тоже красивое число...

– Кто-то... время отмотал?

– А я о чем...

– А что вы на меня так смотрите? Не я отмотал...

– Да верно, где тебе...

Вздрагиваю, хочу ответить что-нибудь обидное, не отвечаю.

– Вон ты идешь...

Смотрю, да неужели это я, почему у меня походка как у пьяного пингвина, да неужели я такой, да быть не может. Долго мнусь перед одной из дверей, стучу, говорю что-то, на экране не слышно, что. Наконец, исчезаю за дверью, тут же выскакиваю, гос-ди, ну и рожа у меня, с такой рожей только в дурдом на конкурс страшилищ...

– Ну давай еще камеры посмотрим... может, еще где чего...

Смотрим. Может, еще где чего. Больше-то смотреть не на что. Утром Одоевский показывал какой-то камень бесконечно далеко от нас, камень, который еще не рассыпался в прах. И всё.

Комнаты. Комнаты. Комнаты. В Доме сорок восемь комнат. И хранилище. И много еще чего...

– А это что?

– Где?

Показываю на экран.

– Да вот же...

– Ну человек, ну что... – Одоевский чешет нос.

– Да как вы не понимаете, человек... в доме? Откуда?

Одоевский смотрит на меня. Оторопело. Ага, дошло, что не может здесь быть никакого человека, не может...

– Нехило... не фига себе, сказал я себе... это в каком отсеке-то у нас...

– Да вон... в кладовой...

– Губа не дура, пробрался... уже и выжрал все, не иначе...

– Это он Эльзу грохнул... – шепчу я.

– Ты откуда знаешь?

Вздрагиваю.

– Ну... некому больше так-то...

– Да много есть кому... ладно, айда смотреть, что за хрень...

Идем смотреть, что за хрень. Берем колыты на всякий случай, Одоевский острит что-то, что случай бывает вонючий. Соглашаюсь. С Одоевским лучше соглашаться, если бы не Одоевский, нас бы здесь не было...

– Осторожнее... подстрелит, мало не покажется...

Первый раз вижу Одоевского серьезным, без всяких его шуточек-прибауточек, даже смотрит как-то по-другому, нехорошо смотрит...

Приоткрываем дверь в неприметную комнатенку, темная тень бросается в угол, грешным делом думаю, что темная материя пробралась сюда, к нам.

Нет. Не темная материя. Человек. Тщедушный, поджарый, глаза горят, больной, что ли, или ученый, или это одно и то же...

Одоевский оторопело смотрит на незваного гостя:

– Ты?

– А ты что думал... Дом себе захапал, и хорош?

– А ты как хотел...

– Ничего, что я этот Дом своими руками стряпал?

Одоевский вымученно улыбается.

– Ну-ну... а что сапожник без сапог должен быть, ничего?

Ни слова не понимаю. Одоевский поворачивается, уходит из комнатенки, будто ничего не случилось. В большом зале Рита разливает чай. Иду за Одоевским, что мне еще остается... Кто из нас сошел с ума, я, или он, или весь мир, хотя нет, мира уже нет...

– Ну чего ты... пригласи гостя дорогого... ужинать...

Не понимаю.

– Это вы... мне?

– Тебе, кому ж еще-то...

Возвращаюсь в кладовку, незваный гость смотрит на меня холодно, насмешливо...

– Это... Одоевский вас ужинать приглашает.

– Отравит?

Пытаюсь отшутиться.

– Про это ничего не сказал.

– Ну, пойдете... раз такое дело... – человек с трудом поднимается с пола, расправляет затекшие суставы, – А вы здесь какими судьбами?

Задумываюсь, какими судьбами я здесь. Трудно сказать. Здесь вообще трудно сказать что-то определенное.

– Этот, что ли?

Одоевский смотрит на меня так, будто спрашивает, что это за человечешко, а получше-то ничего не нашлось...

Одоевский. То есть, я еще не знаю, что его зовут Одоевский. Я еще ничего не знаю, я одно знаю, за квартиру не заплачено, в холодильнике последняя пачка не поймешь чего, что если отварить, можно будет есть, если вообще смогу проглотить эту гадость...

Одоевский смотрит на меня. Выжимаю из себя:

– Здравсте.

– Привет и ты, коли не шутишь... ну что, мил человек, ты у нас, говорят, ученый...

Кусаю губы. Вот это терпеть не могу, когда вот так, с пренебрежением тянут – уче-о-онный, дескать, вот мы неученые, мы на джипах ездим, а ты отличничек весь из себя, думаешь, где бы

подработать... выпускники консерватории за месяц до выпуска подыскивают себе переход, в котором будут играть...

Черт...

Пытаюсь отшутиться:

– Наверде того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.